

УДК 811.161.1'34
ББК 81.411.2-1

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯВЛЕНИЙ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

О.А. Грачева, П.А. Копылова

В статье установлена взаимозависимость плана содержания и плана выражения флексийных морфов; выявлены условия реализации полифункциональности, омонимичности или алломорфности; охарактеризованы языковые факты, свидетельствующие о взаимообусловленности фонологических и грамматических явлений в русском языке.

Ключевые слова: фонологическая структура флексийных морфов, граммы, полифункциональность, омонимия, алломорф, консонантные и вокалические альтернации, нулевой флексийный морф, финаль основы.

Новые решения русистика получает в ходе тщательного и углубленного анализа разноразрядных языковых единиц и их функционального взаимодействия. Предметом нашего исследования стала фонологическая структура флексийных морфов как носителей комплексной грамматической информации.

Среди особенностей флексийных морфов, которые должны быть «достаточно слышимым звуком» [3, с. 445], следует отметить:

- отсутствие стечения согласных и гласных, то есть последовательное чередование согласных и гласных фонем в структуре морфемы носит обязательный характер;
- малую протяженность: такая «бедность» фонологической структуры способствует тому, что данный вид морфем более оперативно выполняет свою функцию;
- наличие универсальных вокально-консонантных моделей V, VC, VCV (схемы типа C, CV, CC представляют собой «вкрапления» с точки зрения их структурной уникальности в данной микросистеме);
- вокальную доминацию над консонантной, то есть гласные фонемы принимают ос-

новную нагрузку в оформлении флексийных морфов;

- определенность звукового набора: весь инвентарь гласных фонем, 11 согласных, среди которых наиболее активны сонорные.

Поскольку в лингвистике известен тезис о мотивированной связи формы и значения, а согласные в силу своей фонетической природы оказываются маркированными, то следует указать на то, что фонема $|j|$ чаще всего связывается с выражением граммы женского рода, фонема $|m|$ – граммы неженского рода, фонема $|x|$ – граммы множественного числа, фонема $|\xi_2|$ – граммы 2 лица единственного числа.

Существует зависимость между фонемным составом флексийных морфов и его способностью маркировать грамматические значения: чем больше фонем входит в состав флексийных морфов, тем более однозначно манифестируется означаемое – грамматические значения (граммы).

Ассиметрия плана выражения и плана содержания, характерная для однофонемной структуры, постепенно переходит в их соответствие, находя завершение в трехфонемной структуре. Последняя принимает вид импlications: если «х», то «у», где «х» – определенный трехфонемный состав, а «у» – соответствующее ему грамматическое значение.

Например, однофонемная форма $-|i|$ характеризуется 6 наборами граммы:

- 1) мн. ч.: *хорош-и, узнал-и*;
- 2) повелит. накл., ед. ч., 2-е л.: *говор-и*;
- 3) (мн. ч.), И – (В. неодуш.) (у числ. *полторы* с граммемой ж. р.): *щегл-ы, ильин-ы, фазань-и, чь-и, м-ы, в-ы, он-и, тр-и, полтор-ы*;
- 4) (ед. ч.), Р. п.: *судьб-ы, любв-и, юнош-и, пут-и, дитят-и, тысяч-и, пят-и*;
- 5) (ед. ч.), Д. п.: *степ-и, флекси-и, имен-и, суди-и, пут-и, пят-и*;
- 6) (ед. ч.), П. п.: (о) *лан-и, гени-и, времен-и, (в) ноч-и, пут-и, забыть-и, пят-и*.

Морфы с формой $-|i|$, соотносясь с данными комплексами граммем, вступают в отношения омонимии, если не имеют общих граммем в своем содержании, и/или полифункциональности, если имеют общие содержательные компоненты.

Для формы $-|i|$, характеризующейся комплексами граммем 2, 4, 5, 6, общая граммема – ед. ч., различающиеся граммемы: повелит. накл.; 2-е лицо; Р. п.; Д. п.; П. п. Следовательно, $-|i|^2$, $-|i|^4$, $-|i|^5$, $-|i|^6$ – полисеманты. Для формы $-|i|$, характеризующейся комплексами граммем 1, 3, общая граммема – мн. ч.; различающиеся граммемы – ж. р.; И. – В. неодуш. Отсюда $-|i|^1$, $-|i|^3$ – полисеманты.

По отношению друг к другу группы морфов $-|i|^2$, $-|i|^4$, $-|i|^5$, $-|i|^6$ и $-|i|^1$, $-|i|^3$ омонимичны.

Двухфонемная форма $-|om|$ манифестирует такие комплексы граммем:

- 1) изъявит. накл., наст.–буд. вр.; повелит. накл., мн. ч., 1-е л.: *жив-ём*;
- 2) Д. п.: *тр-ём*;
- 3) ед. ч., Т. п.: *труд-ом*;
- 4) неженский род, ед. ч., П. п.: (о) *гроз-ом, сам-ом, втор-ом, старухин-ом*.

Морфы $-|om|^1$, $-|om|^2$, $-|om|^3$ омонимичны, а $-|om|^3$, $-|om|^4$ – полисеманты, поскольку у них имеется общая граммема – ед. ч.

Трехфонемные структуры (всего их 19) однозначно соотносятся с неким комплексом граммем и не вступают в отношения омонимии и полифункциональности. Например:

- 1) $-|aja_1|$ (ж. р., ед. ч., И. п.): *красив-ая*;
- 2) $-|uju|$ (ж. р., ед. ч., В. п.): *красив-ую*;
- 3) $-|oi'a_1|$ (изъявит. накл., наст.–буд. вр., мн. ч., 2-е л.): *жив-ёте*;
- 4) $-|am'i|$ (мн. ч., Т. п.): *друзь-ями*.

Одновременное внимание к дискретным содержанию и форме флексийных морфов позволяет сделать вывод о том, что максималь-

но оперативно выполняют свои функции флексийные морфы частотной модели VC, имеющей и комплексы фонем, закрепленных за определенным контекстом, и комплексы, обслуживающие ряд контекстов, а также полифункциональные морфы, поскольку они соответствуют закону экономии составляющих их фонем и закону рационального использования готовых форм.

Флексийные морфы прилагательных и существительных следует анализировать совместно – VCV – VCV, VCV – V, VC – VC, VC – V, ибо они коррелируют друг с другом как в содержательном плане, будучи средством выражения одних и тех же грамматических значений, так и в формальном плане: они представляют собой разные, но формально близкие морфемы $-|ija_1|$, $-|i|$ (*дальн-ие стран-ы*), $-|uju|$, $-|u|$ (*стар-ую Москв-у*), $-|oj|$, $-|i|$ (*березов-ой роц-и*), $-|ix|$, $-|of_2|$ (*нов-ых мост-ов*), $-|oti|$, $-|u|$ (*лучи-ему студент-у*), либо алломорфы одной морфемы: $-|im|$, $-|om|$ (*родн-ым дом-ом*), $-|im|$, $-|am|$ (*точн-ым наук-ам*), $-|im'i|$, $-|am'i|$ (*добр-ыми друзь-ями*), выбор которых в их совокупностях определяется разными условиями, а именно:

- 1) фонологической структурой конечной части основы ($-|oju|$ – $-|eju|$ – $-|iju|$: *строк-ою, суди-ею, мысл-ию*);
- 2) характером ударения ($-|oj|$ – $-|ij|$: *больш-ой, нов-ый*);
- 3) характером предшествующей морфофонемы ($-|oj|$ – $-|ej|$: *прост-ой, мо-ей*);
- 4) грамматическим значением основы ($-|am'i|$ – $-|im'i|$ – $-|em'i|$: *город-ами, больш-ими, вс-еми*);
- 5) лексическим значением основы ($-|im'a|$ – $-|am'a|$ – $-|m'a|$: *дв-умя, тр-емя, четыре-мя*).

Так, флексийные морфы прилагательных, будучи двуфонемными и эксплицируя граммемы рода, числа и падежа, являются надежным средством выражения и узнавания грамматического содержания (пучка граммем) наряду с соотносимыми с ними флексийными морфами существительных. При опущении прилагательных возрастает возможность появления омонимии и/или полифункциональности флексийных морфов существительных. Целостность, некая (грамматическая и лексическая) автономность блока «прилагательное + существительное» в высказывании и

обуславливает необходимость его комплексного изучения и преподавания.

Флексия обладает способностью вызывать фонологически необусловленную мену конечных согласных и предконечных гласных фонем основы, непосредственно с ней сопоставляясь. Подобные формальные модификации, помогающие «склеивать» морфемные швы, также играют роль дополнительного грамматического средства, подготавливающего к экспонированию ту морфологическую информацию, которая будет уточнена и окончательно оформлена флексиями. В определенных целях важно знание структурных правил предсказуемости линейных преобразований основ, а также консонантных и вокалических альтернатив (первые обладают большей степенью предсказуемости, чем последние), особенно в глаголах, характеризующихся сложной, разветвленной системой словоизменения в силу своей функциональной емкости. Например:

- перед флексиями 1-го л. ед. ч. форм наст.-буд. вр. наблюдается мена $\{Z' - \check{Z}\}$ у глаголов на *-зить(ся)* и $\{S' - \check{S}\}$ у глаголов типа *висеть(ся)* и глаголов на *-сить(ся)*;
- в глаголах типа *выть(ся)*, *мыть(ся)*, *ныть*, *рыть(ся)* при образовании форм наст.-буд. вр., повелит. накл. в основе наблюдается мена $\{I - O\}$.

В поле зрения лингвиста попадает проблема различения рода существительных с нулевой флексией, мягкими конечными согласными и шипящими основ (типа *словар'-ø*, *тетрад'-ø*). Русистика в своей классификации существительных по склонениям опирается на знания рода а ргіогі.

Если для носителя русского языка как родного определение рода в таких словах не представляет трудностей, поскольку еще в раннем возрасте (путем проб и ошибок, например, детское: *вижу голубю*) он научается дифференцировать существительные по признаку рода, то иностранцу необходим надежный механизм их распознавания с тем, чтобы использовать нужный набор словоформ.

Считаем, что нулевой флексийный морф манифестирует граммы ед. ч., И. – В. п. и что грамма рода, представляющая собой «фактор языковой номинации, а не языковой соотнесенности» [1, с. 219], локализуется в основе существительных.

Закодированную в основе грамму рода можно выделить только с помощью показателей полных и местоименных прилагательных либо с помощью родо-числовых показателей кратких прилагательных и глаголов прошедшего времени (например: *Этот новый словарь лежал на столе. Эта новая тетрадь лежала на столе*).

Нулевой флексийный морф материально неэксплицирован и, будучи чрезвычайно нагруженным с точки зрения функции, по-видимому, нуждается в помощи со стороны конечных согласных фонем основы. Рассмотрев все существительные с основой на мягкий согласный и нулевой флексией в связи с выражением мужского/женского родов, мы пришли к выводу, что обнаруженная связь может быть представлена следующим образом: выражение *ж. р.* (за некоторым исключением) связывается со всеми мягкими губными b', p', m', v', f' , мягкими переднеязычными d', t', z', s' , а также с финальными сочетаниями *-ал', -ан'*, выражение *м. р.* (за некоторым исключением) – с мягкими сонорными l', n', r' и финальным сочетанием *-ар'*. Фонология оказывается бессильной при различении существительных *ж. р.* и *м. р.* с основой на шипящий $\check{z}, \check{s}, \check{c}, \check{ш}$. По-видимому, это случай морфонологической нейтрализации. Поэтому используется графическое средство различения, а именно наличие у существительных *ж. р.* мягкого знака и отсутствие такового у существительных *м. р.*

Еще одним сложным в лингвистическом отношении вопросом является вопрос о выборе алломорфов $-|ij|$ или $-|oj|$ (а следовательно, их графических эквивалентов), манифестирующих граммы ед. ч., м. р., И. – В. п. (неодуш.) в формах прилагательных адъективного склонения, например: *добр-ый, син-ий, молод-ой*. Действительно, лишь совокупность всех факторов дистрибутивного механизма выбора данных алломорфов может быть неизменным условием полноты описания одного из фрагментов словоизменительной морфемики русского языка.

Среди адъективных форм И. – В. п. (как грамматически исходных) только морфема ед. ч., м. р. реализуется большим набором вариантов, что, по-видимому, обусловлено следующим: согласованный с ними субстантивный морф, как правило, представлен нулем, на-

ходящим компенсацию своей ущербной формы в представительной левой части данной пары (несмотря на то, что алломорф $-|oj|$ связан отношениями полифункциональности с формой $-oj$, обслуживающей адъективную подсистему ж. р. вследствие закона экономии и рационального использования языковых средств предложно-падежной системы).

Анализ морфонологического окружения флексийных вариантов $-ый$, $-ий$ и маркированного $-ой$, в современном русском языке позволил установить, что механизм их дистрибуции определен условиями разноуровневого характера.

1. *Фонологические.* Перед $-ий$ конечная согласная основы представлена 12 фонемами: мягкими заднеязычными g', k', x' , шипящими $ž, š, č', š'$; среднеязычным j , мягкими переднеязычными n', s', r', l' ; только фонемами $j, č', š'$: сопровождают функционирование $-ий$. Перед $-ый$ конечная согласная основы представлена 12 фонемами: твердыми губными p, b, v, m , твердыми переднеязычными t, d, z, s, r, l, n, c ; только фонема c сопровождает функционирование $-ый$. Перед $-ой$ конечная согласная основы представлена 16 фонемами: не встречаются фонемы $j, c, č', š'$; ни одной специфичной фонемы не наблюдается при функционировании $-ой$.

2. *Акцентологические.* «При ударении на основе – морф $-|uj|$ ($-|ij|$). – О. Г., П. К.) (*красн-|uj|...*), а при ударении на флексии – морф $-|oj|$ (*больш-|ój|...*)» [2, с. 548].

3. *Словообразовательные.*

А. Областью совпадения морфонологического окружения $-ий$ и $-ой$ является встречающийся перед ними суффикс $-ск-$. Прилагательные с флексийным морфом $-ой$ и данным суффиксом представляют собой лексически закрытый ряд производных слов, прежде всего «отрицательных действий (или качеств)», то есть объединенных семантически: *плутовской, мотовской, воровской*.

Б. Областью совпадения морфонологического окружения $-ый$ и $-ой$ является встречающийся перед ними суффикс $-ов-/ев-$, причем производные относительные прилагательные с $-ой$ и данным суффиксом в количественном плане значительно уступают относительным прилагательным с $-ый$ и тем же суффиксом. Первые образованы от существительных односложной структуры: *снег – снеговой*, вто-

рые – от существительных, как правило, двух и более сложной структуры с сохранением акцентировки производящего слова в производном прилагательном: *тюлень – тюленевый*.

В. Областью совпадения морфонологического окружения $-ий$, $-ый$, $-ой$ является встречающийся перед ними суффикс $-н-$ и его морфонологические варианты. Прилагательные с флексийным вариантом $-ий$ и данным суффиксом представляют собой закрытую группу производных относительных прилагательных, образованных от наречий времени и места, существительных с предлогами с теми же значениями и существительных, обозначающих родственные отношения, в зависимости от чего выделяются семантические группы данных прилагательных: *давний, поздний*.

Производные прилагательные с $-ый$ и данным суффиксом в количественном отношении значительно превышают производные прилагательные с $-ой$ и этим же суффиксом. Первые образованы от существительных многосложной структуры: *кастрюля – кастрюльный*, и от отглагольных существительных: *продажа – продажный*. Последние образованы от существительных односложной структуры: *шерсть – шерстяной*, и от глаголов несовершенного вида вторичной имперфективации: *дуть – выдуть – выдуть – выдувной*.

4. *Структурные.* Флексийный морф $-ой$ функционирует в производных и непродуцируемых прилагательных немногосложной структуры: *живой*.

5. *Лексико-грамматические.* Непроизводные прилагательные с флексийным морфом $-ой$ характеризуются определенной грамматической семантикой: как правило, все они качественные с предельной, или приближающейся к предельной, степенью проявления признака: *рябой, кривой, седой* и т. д.

6. *Лексические.* Выбор определенного морфа ограничен либо отдельным словом – *орлий*, либо определенной группой слов – слова со вторым компонентом от слов *шея, лицо*.

7. *Семантические.* В некоторых случаях тот или иной флексийный вариант функционирует в прилагательных, объединяющихся семантически.

8. *Синтаксические.* В зависимости от существительных, с которыми сочетается прилагательное, происходит выбор того или

иного флексийного варианта: *языковóй/языкó-вый* – *языковáя система, языкóвая колбаса*.

Таким образом, флексия как морфема, отражающая грамматическую структуру, связана с законами функционирования разных уровней языка, сохраняющего новое маркированное средство (флексийный морф -óй) для оформления основ с простой морфологической структурой.

Проведенный анализ флексийных морфов позволил выявить асимметричность их плана содержания (грамматическое значение) и плана выражения (звуковой облик), которая проявляется в полифункциональности, омонимии и алломорфности. Вызываемые флексией морфонологические изменения и наличие ну-

левого флексийного морфа свидетельствуют о взаимообусловленности фонологических и грамматических явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новак, Л. Основная единица грамматической системы и типология языка / Л. Новак // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. – М. : Прогресс, 1967. – С. 210–225.
2. Русская грамматика. В 2 т. Т. I. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
3. Серебренников, Б. А. О некоторых фонетических особенностях конечных формативов / Б. А. Серебренников // Современные проблемы литературоведения и языкознания. – М. : Наука, 1974. – С. 444–447.

INTERCONDITIONALITY OF DIFFERENT LANGUAGE LEVELS (IN THE RUSSIAN LANGUAGE)

O.A. Gracheva, P.A. Kopylova

The article presents interdependence of the plane of meaning and the plane of form in the inflection morphs as including conditions of polyfunctionality realization, homonymy or allomorphy. The language facts testify for interconditionality of the phonologic and grammatical phenomena in Russian.

Key words: *phonologic structure of inflection morphs, grammeme, polyfunctionality, homonymy, allomorph, consonantal and vocal alternations, zero inflection morph, final of bases.*